

В два часа ночи Ло Юйхань, воспользовавшись отпечатком пальца, открыл дверь квартиры и с удивлением обнаружил, что из спальни пробивается слабый свет, а оттуда доносится едва слышный звук воды. По неясной причине у Ло Юйханя возникло странное предчувствие, веки судорожно подергивались. Он, немного постояв у входа, наконец направился в спальню. Глубокая ночная тишина делала каждый звук невыносимо громким: журчание воды, шаги, даже сердцебиение. Нервы Ло Юйханя были натянуты до предела этими едва уловимыми звуками, и он медленно шел вперед.

Схватившись за дверную ручку, он глубоко вдохнул и распахнул дверь. Увидев на полу разбросанную одежду, он испытал странное чувство будто ожидаемого. И все же, женское белье, лежавшее сверху, заставило его сердце вспыхнуть яростью.

Сердце Ло Юйханя колотилось так сильно, словно готово было вырваться из груди, дыхание участилось, а головокружение, которое он недавно подавил лекарствами, вернулось с новой силой. Ноги едва держали его, окружающие предметы казались искаженными. В душе боролись неясная надежда и отчаянная решимость, и он резко распахнул дверь в ванную.

Его накрыли водяные брызги и теплый пар, запах его привычного геля для душа все так же разносился по воздуху, но за этим последовал резкий крик, не предвещавший ничего хорошего.

Двое обнаженных людей буквально ослепляли взгляд. Женщина громко закричала и попыталась спрятаться, а У Хун что-то швырнул в Ло Юйханя. Предмет ударил его по руке и упал на пол — это был открытый тюбик со смазкой. В панике душ был сбит, теплая вода намочила его штанины и обувь. Рука, сжимающая дверную ручку, стиснулась так сильно, что побелели костяшки, ярость сдавливала сердце, лишая воздуха.

У Хун громко кричал, чтобы он уходил, но Ло Юйхань стоял неподвижно. Когда пар рассеялся, он наконец разглядел лицо женщины.

Она сидела на корточках, прикрывая грудь руками, волосы были мокрыми, а на шее виднелись свежие следы поцелуев.

Это была Ян Маньмань, сводная сестра, которую привела его мачеха.

Волна ярости и неверия, словно цунами, накрыла его, а за ней пришла холодная, сырая тьма, словно поднимающаяся из сырой могилы. Огромный шок и боль разрывали Ло Юйханя на части, и он какое-то время не мог вымолвить ни слова.

У Хун, оправившись от первоначального замешательства, быстро схватил полотенце и завернулся в него. Ло Юйхань едва стоял на ногах, опираясь на дверную ручку половиной своего веса, и холодно смотрел на него. Грудь его тяжело вздымалась, а руки дрожали от крайней ярости.

У Хун закричал:

— Вон отсюда!

Ло Юйхань сквозь зубы процедил:

— Куда уходить? Как, у тебя еще есть стыд?

У Хун шагнул вперед, чтобы схватить Ло Юйханя за руку, но тот жестко оттолкнул его:

— Не трогай меня, мне противно!

У Хун тоже пришел в ярость:

— Тебе противно? А мне не противна твоя фальшивая чистоплотность? Я относился к тебе как к сокровищу, а ты, Ло Юйхань, вообще считал меня человеком? Ты меня никогда не любил, тебе просто нравилось смотреть, как я, как собака, верчусь вокруг тебя! Мне хватит! Всегда только я отдавал, а ты? Ты обо мне хоть раз думал? Я просто хочу ребенка, неужели ты не хочешь и хочешь погубить наш род У?!

Ло Юйхань, не раздумывая ни секунды, со всей силы пнул его в живот!

Действительно, в самом начале ухаживал У Хун, и в начале отношений он был более активен. Ло Юйхань был человеком медленным и сдержанным, не привыкшим говорить о любви при каждом удобном случае, и он всегда хотел сохранять личное пространство. Однако со временем совместной жизни Ло Юйхань начал меняться: он выучил блюда родного края У Хуна, узнавал о том, что тому нравится, обустроивал их дом по вкусам партнера, помогал разбираться с гардеробом и даже тайно готовился к операции по имплантации. Ло Юйхань редко дарил цветы и редко признавался в любви, все его усилия были беззвучными. Он думал, что У Хун это знает, но не ожидал, что все будет проигнорировано.

По натуре он был мягким, не любящим конфликты и с детства не умеющим ругаться. Услышав этот поток искаженных аргументов, он, дрожа от гнева, не знал, с чего начать ответ, поэтому просто перешел к действиям.

Этот удар был нанесен со всей накопившейся яростью, пол в ванной был скользким, и У Хун не ожидал, что обычно спокойный Ло Юйхань без слов двинется с кулаками. Он упал на пол с глухим стуком. Сам Ло Юйхань стоял неуверенно, и отдачи сил хватило, чтобы он тоже упал. Ян Маньмань с визгом бросилась помогать У Хуну, забыв о своей наготе, и крикнула Ло Юйханю:

— Зачем ты бьешь людей?!

Ло Юйхань и так чувствовал себя плохо, от злости кружилась голова, а падение в сырой и душной ванной усилило недомогание. Перед глазами потемнело, звуки вокруг то удалялись, то приближались. Он понимал, что состояние критическое, и ни за что не хотел терять сознание здесь. Он с трудом поднялся, бросил последний взгляд на беспомощную парочку в ванной и, шатаясь, спустился вниз. Он долго сидел в машине с открытым окном, прежде чем тронуться с места.

Автомобиль мчался по пустой ночной трассе. Ло Юйхань был переполнен гневом, чем больше он думал, тем сильнее злился и, не в силах совладать с собой, вдавил педаль газа в пол, пытаясь выплеснуть неконтролируемую ярость. Холодный ветер врывается в окно, растрепывая волосы, больно обдувая лицо. В сердце пылал огонь, почти уничтожавший разум. Ло Юйхань даже не заметил, как стрелка спидометра ушла в красную зону. Вдруг ослепительный свет фар ударил в глаза — навстречу ехала машина с дальним светом. Перед глазами осталась лишь белая пелена, резкий визг тормозов оборвался оглушительным ударом. Ло Юйхань почувствовал острую боль в груди и потерял сознание.

— А!

Юй Хань резко вздрогнул и проснулся. Свет, ослеплявший во сне, оглушительный удар и ужасное чувство сдавливания были слишком реальными — он снова оказался в той страшной

аварии. Больничная рубашка была мокрой от холодного пота.

Он с трудом сел, прислонившись к изголовью, и старался успокоить прерывистое дыхание. Загорелся свет в комнате — дежурила тетушка Лю. Накинув вязаный кардиган, она с беспокойством взглянула на него:

— Опять кошмар приснился?

Юй Хань кивнул, сердце все еще колотилось. Пропитанная потом одежда остывала под ночным ветерком, становясь липкой и холодной.

Тетушка Лю налила ему стакан воды и подала полотенце. Раны Юй Ханя уже почти зажили, поэтому можно было мыться. Он слез с кровати, взял полотенце и пошел в ванную.

Он еще не до конца пришел в себя, и когда рука коснулась дверной ручки, на мгновение ему померещилось, что, открыв дверь, он снова увидит переплетенные тела. Он вздрогнул и окончательно проснулся, горько усмехнувшись — это уже его вторая жизнь, и он больше не хотел испытывать подобное отвращение.

Тетушка Лю увидела его дрожь и поспешно закрыла дверь в комнату:

— Быстрее заходи, простудишься, а это будет беда!

Юй Хань ответил:

— Сейчас зайду, вы спите.

— Иди мойся, я здесь послушаю, быстро.

Юй Хань наконец вошел в ванную.

Включив душ, он почувствовал, как теплая вода стекает по телу, согревая холодные конечности. Каждый сантиметр тела словно погрузился в мягкий весенний ветерок, и он невольно вздохнул от удовольствия.

Закончил мыться, он положил руку на живот и на мгновение замер.

Живот на четвертом месяце уже заметно округлился. В последнее время, возможно, из-за болезни и отсутствия аппетита, он вырос лишь немного по сравнению с моментом перерождения, но животик был круглым и упругим. Ребенок внутри был, как всегда, активен и часто пихался, но сейчас, похоже, спал и вел себя тихо.

Раньше Юй Хань плохо следил за здоровьем, был в угнетенном состоянии и мало ел. Он не знал, не голодал ли ребенок, и редко разговаривал с ним или гладил живот. Возможно, малыш чувствовал себя обделенным, внезапно сменив «папу». Эта мысль заставила Юй Ханя улыбнуться. Он погладил живот, выключил душ, вытерся полотенцем, надел чистую одежду и вышел.